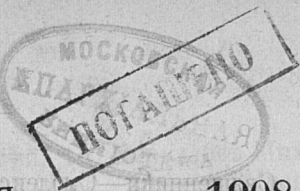
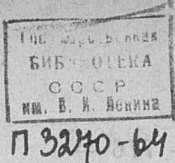

XVIII 13/35
43672
№ 26.

8 ИЮЛЯ.

1908 г.

Подписка г-на: съ приложениемъ журнала
«Привольскій Собесѣдникъ» епархіальнымъ
подписчикамъ—8 р. Безъ приложения 5 руб.

ВѢСТНИКЪ

ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ

ИЗДАНИЕ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Выходятъ четыре раза въ мѣсяцъ.

Редактіе: Казань. Духовная академія.

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ АРХИПАСТЫРСКАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ.

Предводителю дворянства Чистопольскаго и Мамадышскаго уѣздовъ Владиміру Ивановичу г. *Якубовичу* за сдѣланныя имъ пожертвованія въ церковь села Краснаго Яра, Чистопольскаго уѣзда.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Опредѣлены: Послушникъ Игнатій *Спиридоновъ*—исп. об. псаломщика въ с. Шатьму—Ядринскаго уѣзда, 24 іюня.

Учитель Христофоръ *Кузьминъ*—исп. дол. псаломщика въ с. Новоспасское, Спасскаго уѣзда, 24 іюня.

Безмѣстный священникъ Гурій *Дезидеревъ*—въ с. Фроловъ-Ясакъ, Тетюшскаго уѣзда, 26 іюня.

Сынъ священника Иванъ *Сельскій*—псаломщикомъ въ с. Ходяшево, Лаишевскаго уѣзда, 1 іюля.

Перемѣщены: Священникъ Вятской епархіи Алексій *Григоревъ*—въ Казанскую епархію, въ с. Шиньши, Царевококшайскаго уѣзда, 23 іюня.

Священники—Смоленско-Димитріевской, г. Казани, церкви Евгеній *Болгарскій* и с. Анатыша, Лаишевскаго уѣзда, Василій *Ивановскій*—взаимно 27 іюня.

Псаломщикъ въ санѣ діакона с. Хочашева, Лаишевскаго уѣзда, Петръ *Кедровъ*—на діаконское мѣсто въ с. Черемуховую Слободу, Чистопольскаго уѣзда, 24 іюня.

Псаломщикъ с. Клярей, Тетюшскаго уѣзда, Валентинъ *Васильевъ*—къ Никольской, г. Чебоксарь, церкви, 24 іюня.

Уволены заштатъ: Протоіерей Троицкаго, г. Спасска, собора Михаилъ *Леоновъ*,—согласно прошенію, 2 іюля.

Уволенъ отъ должности—псаломщикъ с. Кумби, Козмодемьянскаго уѣзда, Сергій *Анисимовъ*,—согласно прошенію, 20 іюня.

Исключены изъ списковъ умершіе: Священникъ села Старой-Тумбы, Спасскаго уѣзда, Владиміръ *Михайловъ*—9 іюня.

Священникъ с. Саконь, Лаишевскаго уѣзда, Іоаннъ *Помераницевъ*—22 іюня.

Свободныя мѣста.

Священническія. При Тетюшскомъ и Спасскомъ соборахъ, въ селахъ: Богатыревъ, Балдаевъ, Маломъ Чурашевъ, Ядринскаго уѣзда; Елышевъ, Мамадышскаго у.; Цибикнуръ, Паревокочкайскаго у.; Бичуринъ, Байгуловъ, Таганашевъ, Звениговскомъ Затонъ, Чебоксарскаго у.; Бушанчъ, Свіяжскаго у.; Хыймала-Касахъ, Емелевъ, Козмодемьянскаго у.; Пичкасахъ, Ст. Тумбъ, Спасскаго у.; Новоішеевъ, Цивильскаго у.; Саконахъ, Лаишевскаго уѣзда.

Діаконскія. Въ селахъ: Кожважахъ, Козмодемьянскаго у.; Пичкасахъ, Спасскаго уѣзда.

Псаломщическія. Въ селахъ: Кляряхъ, Тетюшскаго у., и Кумбъ, Козмодемьянскаго уѣзда.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

учениковъ Чистопольскаго духовнаго училища, составленный послѣ годичныхъ испытаній въ концѣ 1907—8 учебнаго года.

Приготовительный классъ.

Переводятся въ I классъ.

Разрядъ 1-й: 1) Софроновъ Порфирій, Соколовъ Петръ, Болгарскій Сергій, Елдашевъ Иванъ, 5) Магницкій Валентинъ, Ефимовъ Александръ, Соловьевъ Левъ, Евлампіевъ Теодоръ.

Разрядъ 2-й: Оедосеевъ Сергѣй, 10) Кирилловъ Михаилъ, Казанцевъ Василій, Минеевъ Андрей, Печаевъ Яковъ, Поликарповъ Павелъ, 15) Казанцевъ Иванъ, Димитріевъ Валентинъ, Львовъ Леонидъ, Соловьевъ Порфирій, Терентьевъ Венедиктъ, 20) Осенній Анатолий, Рождественскій Василій, Гремячкинъ Владиміръ, Рудольскій Сергѣй, Троицкій Константинъ.

Разрядъ 3-й:

Допускаются къ переекзаменовкѣ послѣ каникулъ:

25) Ананьевъ Николай и Виноградовъ Михаилъ по ариеметикѣ. Ташевскій Левъ—по русскому языку.

Оставляютя въ томъ же классѣ на повторительный курсъ:

Александровъ Василій, Руженцовъ Михаилъ.

30) Мельниковъ Иванъ увольняется изъ училища.

Допускаются послѣ каникулъ къ экзаменамъ по осьмъ предметамъ:

Быстрицкій Михаилъ, Никифоровъ Михаилъ, Ястребова Александръ.

Первый классъ.

Переводятся во II-й классъ.

Разрядъ 1-й: 1) Руфимскій Михаилъ, Васильевъ Василій, Петровъ Константинъ, Страховъ Павелъ, 5) Гремячкинъ Сергѣй, Ронгинскій Геннадій, Брызгинъ Валентинъ, Васильевъ Александръ.

Разрядъ 2-й: Журавлевъ Викентій, 10) Козловъ Николай, Гавриловъ Глѣбъ, Разумовскій Ювеналій, Миропольскій Леонидъ, Комиссаровъ Михаилъ, 15) Сальниковъ Димитрій, Студенцовъ Алексѣй, Егоровъ Вячеславъ, Львовъ Александръ, Кожевниковъ Валентинъ, 20) Андреевъ Григорій, Ефимовъ Теодоръ, Михайловъ Николай, Статоровъ Виталій

Разрядъ 3-й:

Допускаются послѣ каникулъ къ переекзаменовкѣ:

Гавриловъ Иванъ—по св. исторіи.

25) Благоразумовъ Авениръ—по русскому языку.

Троицкій Николай—по географіи.

Григорьевъ Димитрій, Рѣшниковъ Леонидъ и Шерсновъ Николай по ариеметикѣ.

Оставляются въ томъ же классъ на повторительный курсъ:

30) Кононовъ Анатолій, Кирилловъ Николай, Королевъ Михаилъ, Псалтиревъ Николай.

Допускаются послѣ каникулъ къ экзаменамъ по всемъ предметамъ:

Мироносицкій Василій, 35) Харитоновъ Николай, Ястребовъ Николай.

Второй классъ.

Переводятся въ 3-й классъ:

Разрядъ 1-й: 1) Логиновъ Николай, Рүфимскій Павелъ, Виноградовъ Илья, Ивановъ Константинъ, 5) Гусаровъ Иванъ, Мирюлюбовъ Евгений, Смирновъ Николай, Виноградовъ Николай, Казанцевъ Александръ, 10) Сидоровъ Андрей, Захаровъ Александръ.

Разрядъ 2-й: Казанцевъ Николай, Тихомировъ Александръ, Корнетовъ Евгений, 15) Погодинъ Виталій, Гавриловъ Иванъ, Раховъ Александръ, Соколовъ Иванъ, Емельяновъ Михаилъ, 20) Мироносицкій Владиміръ, Благовѣщенскій Николай, Пѣнкинъ Константинъ, Михайловъ Викторъ, Чистосердовъ Александръ.

Разрядъ 3-й:

Допускаются послѣ каникулъ къ переэкзаменовкѣ:

25) Гремячкинъ Константинъ—по русскому языку.

Добросмысловъ Антонинъ—по латинскому языку.

Ефимовъ Алексѣй—по ариеметикѣ.

Ананьевъ Геннадій—по св. исторіи и ариеметикѣ.

Головцевъ Михаилъ—по русскому языку.

30) Осиповъ Григорій—по русскому и латинскому языкамъ.

Быстрицкій Александръ и Архангельскій Сергѣй по русскому языку и ариеметикѣ.

Оставляются въ томъ же классъ на повторительный курсъ.

Воскресенскій Михаилъ, Сокольниковъ Николай, Федоровъ Иванъ.

Допускаются послѣ каникулъ къ экзаменамъ повсѣмъ предметамъ:

Михайловъ Амфилохій, 37) Троицкій Георгій.

ТРЕТІЙ КЛАССЪ.

Переводятся въ 4-й классъ.

Разрядъ 1-й: Архангельскій Германъ, Семеновъ Георгій, Ивановъ Павелъ, Ямбиковъ Николай, 5) Львовъ Владиміръ, Студенцовъ Александръ.

Разрядъ 2-й: Васильевъ Петръ, Дезидерьевъ Германъ, Страховъ Иванъ, 10) Руфимскій Сергій, Скворцовъ Леонидъ, Студенцовъ Сергій, Соколовъ Виталій, Воздвиженскій Василій, 15) Герасимовъ Михаилъ, Скворцовъ Николай, Иларионовъ Кузьма, Архангельскій Николай, Тихомировъ Петръ, 20) Кибяковъ Григорій, Нечаевъ Павелъ.

Разрядъ 3-й:

Допускаются послѣ каникулъ къ переэкзаменовкѣ:

Меньшиковъ Николай, Мухинъ Леонидъ и Разумовскій Александръ по русскому языку.

25) Ястребовъ Михаилъ—по русскому языку.

Сокольскій Петръ—по латинскому языку.

Анонимовъ Михаилъ и Кудрявцевъ Анатолій по русскому и латинскому языкамъ.

Троицкій Вячеславъ оставляется на повторительный курсъ.

Допускаются послѣ каникулъ къ экзаменамъ повсѣмъ предметамъ:

Гремячкинъ Владиміръ, Кожевниковъ Павелъ, Листовъ Василій, 33) Назаровъ Александръ.

ЧЕТВЕРТЫЙ КЛАССЪ.

Переводятся въ 1-й классъ духовной семинаріи.

Разрядъ 1-й: 1) Корнетовъ Николай, Тихомировъ Анатолій, Тихонравовъ Михаилъ, Васильевъ Петръ, 5) Орловъ Михаилъ, Даниловъ Александръ.

Разрядъ 2-й: Андреевъ Сергѣй, Казанцевъ Михаилъ, Дюмидовъ Петръ, 10) Бузановскій Александръ, Пронинъ Сергѣй, Спасскій Михаилъ, Сучковъ Илья.

Тихонравовъ Петръ увольняется изъ училища съ правами окончившаго полный курсъ.

Допускаются послѣ каникулъ къ перезкзаменовкѣ:

Александровъ Виталій—по латинскому языку.

Балмасовъ Василий—по ариѳметикѣ.

Соколовъ Михаилъ—по русскому и латинскому языкамъ.

Нечаевъ Леонидъ *допускается послѣ каникулъ къ экзаменамъ по всемъ предметамъ.*

Разрядъ 3-й: Осянкинъ Иванъ и Орловъ Константинъ оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ.

Дополнительные экзамены и перезкзаменовки имѣютъ быть произведены:

ученикамъ 4-го класса—18—19-го августа

” 3-го класса— 20-го ”

” 2-го класса— 21-го ”

” 1-го класса— 22-го ”

приготовительнаго класса— 23-го августа.

Приемные экзамены для вновь поступающихъ.

въ 4-й, 3-й и 2-й классъ—25-го августа,

въ 1-й классъ—26-го ”

въ подготовител. классъ—27—28-го августа.

Молебень предъ началомъ ученія—1-го сентября.

Смотритель училища, протоіерей *М. Аристовскій.*

Епархіальная хроника.

Архіерейскія служенія.

Время съ 23-го по 29-е іюня сего 1908 года для Казани должно быть отмѣчено, какъ „замѣчательная въ церковномъ отношеніи недѣля“. Всѣ эти дни прошли въ непрерывныхъ церковныхъ торжествахъ. Оставивъ заботу о поправленіи своего здоровья, Высокопреосвященный Архіепископъ Никаноръ поспѣшилъ къ этимъ торжествамъ съ Кавказа въ Казань, куда и прибылъ утромъ 23-го іюня, въ день празднованія въ честь Владимірскія Иконы Божіей Матери. Литургію въ этотъ день во Владимірскомъ соборѣ совершалъ Преосвященный Михаилъ, Епископъ Чебоксарскій, крестный же ходъ, до начала литургіи, изъ Каѳедральнаго Благовѣщенскаго собора и Богородицкаго женскаго монастыря совершенъ былъ городскимъ духовенствомъ во главѣ съ о. архимандритомъ Варсонофіемъ. Высокопреосвященный Архіепископъ Никаноръ съ парохода прослѣдовалъ въ Каѳедральный соборъ, помолился предъ престоломъ Божиимъ и у раки Святителя Гурія Казанскаго, благословилъ богомольцевъ, во множествѣ собравшихся къ его встрѣчѣ, и направился въ Крестовую церковь, откуда зашелъ на нѣкоторое время въ свои келліи, а затѣмъ прослѣдовалъ во Владимірскій соборъ къ божественной литургіи. Здѣсь, во время причастнаго стиха, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Никаноръ обратился къ богомольцамъ, до тѣсноты наполнившимъ соборъ, съ продолжительнымъ и назидательнымъ „словомъ“ По окончаніи литургіи Высокопреосвященный Архіепископъ Никаноръ совершилъ молебенъ предъ Владимірскою Иконою Божіей Матери, которою послѣ молебна и обычныхъ многолѣтій онъ и осѣнилъ весь народъ. Послѣ осѣненія крестный ходъ отправился обратно въ Каѳедральный соборъ, а Высокопреосвященный Архіепископъ Никаноръ вышелъ изъ Владимірскаго собора уже послѣ того, какъ преподалъ благословеніе каждому отдѣльно изъ оставшихся богомольцевъ. Не смотря на усталость отъ дальней дороги, Высокопреосвященный Архіепископъ Никаноръ зашелъ въ домъ мѣстнаго священника, благословилъ его и его семейство, чѣмъ доставилъ имъ большую радость и утѣшеніе, а затѣмъ отбылъ въ свои покои.

24 іюня. Рождество святаго славнаго пророка Предтечи и Крестителя Господня Іоанна. Божественную литургію въ Іоанно-Предтеченскомъ монастырѣ совершилъ о. архимандритъ Евсакустодіанъ въ сослуженіи іеромонаховъ сего монастыря. Къ божественной литургіи прибылъ Высокопреосвященный Архієпископъ Никаноръ и во время причастанаго стиха произнесъ „слово“, съ глубокимъ усердіемъ и вниманіемъ выслушанное богомольцами храма. По окончаніи литургіи Высокопреосвященный Архієпископъ Никаноръ совершилъ молебень Іоанну Крестителю, а по окончаніи молебна и обычныхъ многолѣтій благословилъ народъ—каждаго отдѣльно, настоятелю же монастыря и братіи его онъ преподаль благословеніе въ келіяхъ о. настоятеля.

25-го іюня. Празднество въ честь чудотворной Смоленской Седміозерной иконы (Одигитріи) Пресвятой Богородицы въ Седміозерной Пустыни.

Ко всенощному бдѣнію на 25-е іюня Высокопреосвященный Архієпископъ Никаноръ прибылъ въ Седміозерную Пустынь около 6 ч. вечера. У святыхъ воротъ Высокопреосвященнаго Архієпископа Никанора встрѣтила братія монастыря во главѣ съ намѣстникомъ Пустыни, о. архимандритомъ Андроникомъ, который при встрѣчѣ сказалъ привѣтственное слово и поднесъ Архієпископу Ікону Смоленской Божіей Матери.

Послѣ обычной встрѣчи въ главномъ соборномъ храмѣ Пустыни Высокопреосвященный Архієпископъ Никаноръ, не выходя изъ храма, благословилъ начало всенощнаго бдѣнія, которое, начиная съ литіи, продолжалось и было закончено на открытомъ воздухѣ—на монастырскомъ дворѣ среди массы богомольцевъ, заполнявшихъ собою положительно весь монастырскій дворъ; литію, чтеніе акаѣиста Божіей Матери, величаніе и помазаніе елеемъ богомольцевъ совершалъ Высокопреосвященный Архієпископъ Никаноръ въ сослуженіи цѣлаго сонма священниковъ и оо. іеромонаховъ. Богомольцы особенно утѣшены были тѣмъ, что Высокопреосвященный Архієпископъ Никаноръ совершилъ почти все всенощное бдѣніе не въ палатѣ, какъ дѣлалось обычно, а на совершенно открытомъ мѣстѣ—среди самаго народа.

Литургію 25-го іюня Высокопреосвященный Архієпископъ Никаноръ совершилъ въ главномъ соборномъ монастырскомъ храмѣ. По окончаніи литургіи, предъ началомъ молебна, по-

ложеннымъ въ храмѣ, Высокопреосвященный Архіепископъ обратился къ богомольцамъ съ рѣчью, въ которой указалъ, насколько дорого и близко върующему человѣческому сердцу наименованіе Одигитріи—Путеводительницы, которымъ христіанскій міръ чтитъ Пресвятую Богородицу; и благочестивые русскіе люди, съ давнихъ временъ своей христіанской исторіи, особенно чтутъ святыхъ Богородичныхъ иконы; съ именемъ Одигитріи; при этомъ Архіепископъ указалъ на происхожденіе иконы Одигитріи Седмозерной и на важное значеніе ея для Казанскаго Края.... Молебенъ съ обычными многолѣтіями законченъ былъ въ палаткѣ на монастырскомъ дворѣ, послѣ чего въ Святыхъ вратахъ Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Никаноромъ было совершено осѣненіе Иконой народа и крестный ходъ съ Смоленской Седмозерной Иконой направился въ Казань—въ Кизическій монастырь; въ крестномъ ходу участвовало городское духовенство во главѣ съ о. архимандритомъ Варсонофіемъ.

Къ 6 ч. вечера икона была принесена въ Кизическій монастырь, гдѣ всенощное бдѣніе и божественную литургію совершилъ Преосвященный Епископъ Михаилъ съ братіей монастыря.

26-го іюня. Празднество въ честь Тихвинской Иконы Божіей Матери. Божественную литургію въ кафедральномъ Благовѣщенскомъ соборѣ совершилъ Высокопреосвященный Архіепископъ Никаноръ въ сослуженіи Преосвященныхъ—епископа Алексія и епископа Андрея и цѣлаго сонма о.о. архимандритовъ, протоіереевъ и іереевъ. Послѣ литургіи изъ кафедральнаго собора чрезъ Тайницкія крѣпостныя ворота (въ Кремль) былъ совершенъ крестный ходъ къ павильону около моста чрезъ р. Казанку для встрѣчи Смоленской Седмозерной Иконы Пресвятой Богородицы; во время этого хода былъ совершенъ молебенъ Божіей Матери, который затѣмъ продолженъ былъ по встрѣчѣ Иконы Божіей Матери, принесенной съ крестнымъ ходомъ изъ Кизическаго монастыря. Въ ходу изъ Кизическаго монастыря было городское духовенство во главѣ съ Преосвященнымъ епископомъ Михаиломъ.

Послѣ встрѣчи Иконы, окончанія молебна и обычнаго многолѣтія соединенный крестный ходъ, чрезъ главныя ворота—Спасскія, направился въ Кремль—въ кафедральный Благо-

вѣщенскій соборъ. Вся крѣпостная гора и всѣ прилегающія улицы были заполнены богомольцами.

Юня 27-го. Празднованіе въ Казани въ честь Смоленской иконы Пресвятой Богородицы, ради перенесенія ея изъ Седміозерной Пустыни. Благодарственное воспоминаніе Богомъ дарованной побѣды Всероссійскому Императору Петру I-му надъ Шведскимъ королемъ Карломъ XII въ 1709 году подъ Полтавой. Всенощное бдѣніе въ соборѣ было совершено Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Никаноромъ. Божественную литургію совершилъ Преосвященный епископъ Андрей. Во время причастаного стиха Высокопреосвященный Архіепископъ Никаноръ преподавалъ народу поученіе на текстъ: „И откуда мнѣ сіе, да прииде Мати Господа моего ко мнѣ“ (Ев. Луки 1, 43). По окончаніи литургіи, Высокопреосвященный Архіепископъ Никаноръ въ сослуженіи Преосвященныхъ — епископа Михаила и епископа Андрея и сослужащихъ протоіереевъ и іереевъ совершилъ молебень Божіей Матери, Казанскимъ Святителямъ Гурію, Варсонофію и Герману и св. девяти Кизическимъ мученикамъ.

Юня 29-го. Св. Славныхъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла. Высокопреосвященный Архіепископъ Никаноръ къ литургіи прибылъ въ Петропавловскій соборъ. Во время причастаного стиха Высокопреосвященный Архіепископъ Никаноръ обратился къ народу съ назидательнымъ словомъ о трудахъ св. первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла ¹⁾. По окончаніи литургіи Высокопреосвященный Архіепископъ Никаноръ въ сослуженіи о. протоіерея І. Горизонтова и др. іереевъ совершилъ молебень святымъ ап. Петру и Павлу. По окончаніи молебна и обычныхъ многолѣтій Высокопреосвященный Архіепископъ Никаноръ благословлялъ богомольцевъ и при этомъ раздавалъ имъ брошюры своего сочиненія о трудахъ св. ап. Петра и Павла.....

¹⁾ Проповѣди Его Высокопреосвященства, произнесенныя имъ 23-го, 25, 27 и 29 юня, будутъ напечатаны въ ближайшихъ №№ „Извѣстій по Казанской Епархіи.“

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

С Л О В О,

сказанное Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Н и к а н о р о м ъ, Архіепископомъ Казанскимъ и Свѣяжскимъ, въ Казанскомъ Каѳедральномъ Благовѣщенскомъ соборѣ
6 мая 1908 года.

Въ благознаменитый день праздника въ честь возлюбленнаго Монарха нашего прилично сказать объ основахъ и законахъ правленія народами и царствами.

Въ наше время, когда стремятся къ переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей, и народоправленіе подвергается всякаго рода сужденіямъ. Но мы, какъ представители взглядовъ религіозныхъ, должны сказать то, что намъ внушаетъ о семъ Божіе слово. А оно гласитъ: *„владѣтъ Вышній царствомъ человеческимъ и ему же, аще восхоцетъ, даетъ е“*. Такое опредѣленіе Божіе нѣсколько вѣковъ тому назадъ совершилось о дорогой отчизнѣ нашей, Святой Руси необъятной. Она изволеніемъ Божіимъ и волею русскаго народа отдана Благочестивымъ, Самодержавнымъ Государямъ Царямъ и Ихъ преемникамъ—Императорамъ, Царственное рожденіе одного изъ которыхъ мы нынѣ и торжествуемъ.

Законъ Божій, народное избраніе, естественность рожденія, преемство наслѣдія и, наконецъ, Священное Помазаніе, совершающееся изъ рода въ родъ, все это достойныя основанія, чтобы быть убѣжденными нами въ томъ, что Вышній владѣтъ нашимъ Царствомъ, и тому, кто по Его сердцу, Онъ даетъ права и силу владѣть имъ Самодержавно и чрезъ тѣхъ, кому Онъ изволитъ дать тѣ или иныя права.

Такъ думали и проповѣдывали въ нашей церкви издревле. И вотъ, до послѣднихъ дней милліоны Русскаго народа свято

чтили и содержали таковыя понятія и убѣжденія. Но въ новѣйшее время новѣйшіе люди изобрѣтаютъ новѣйшіе виды и формы правленія. И легко они дѣлаютъ это, заимствуя эти формы отъ народовъ, которыя раньше насъ начали жить культурно, т. е. жизнію, образованною по формамъ и видамъ, которые давала имъ наука ихъ, согласованная съ ихъ историческими и бытовыми обстоятельствами. Но должно твердо помнить и никогда не забывать, что ихъ обстоятельства были далеко не похожи на наши. Достаточно сказать, что у нихъ не было того, что называется нашествіемъ монголовъ—татарскаго ига, и всего того печальнаго наслѣдія, которое оно дало намъ во всякаго рода упадѣкъ жизни Руси Святой и въ милліонахъ полудикихъ иноплеменниковъ, которыхъ въ теченіи вѣковъ должна была по своему культивировать Русь Святая, сама нерѣдко впадая въ полудикую жизнь безъ правителей по сердцу святорусскому и закону. Но все это не смыло въ ней господства святорусскихъ идеаловъ, что даетъ намъ твердую увѣренность, что и новѣйшее нашествіе монгольско-японское и коварство западныхъ народовъ не отымутъ отъ Святой Руси ея святыхъ идеаловъ. Въ лучшей части сыновъ и дочерей своихъ она вѣритъ и будетъ вѣритъ, что владѣтъ Вышніи царствами человѣческими и, ему же восхоцетъ, даетъ я. И вѣритъ она и надѣется, что не отымется славный жребій владѣнія отъ Самодержавнѣйшихъ Монарховъ нашихъ, царствующихъ по волѣ Божіей и сердцу народному, усердно сливающимся въ одни уста, вседушевно молящіяся о Благочестивѣйшемъ Государь Императоръ своемъ, чтобы Онъ царствовалъ, какъ Царь Святой Руси, на славу намъ, на страхъ врагамъ для водворенія правды вѣчной.

Мы высоко чтимъ данныя науки и преклоняемся предъ ея примѣненіями къ частнымъ и отдѣльнымъ явленіямъ жизни отдѣльныхъ лицъ и обстоятельствъ. Но когда дѣло касается жизни такого великаго государства, какъ Россійское, съ его многомилліоннымъ народонаселеніемъ, съ его тысячелѣтнею

исторію, съ его свѣчами и обычаями, освященными вѣками общенародной жизни, съ тѣмъ, что составляетъ Святое Святыхъ Руси, тогда мы домысламъ отдѣльныхъ умовъ предпочитаемъ Божіе слово и Божію премудрость и говоримъ рѣшительно: не намъ, не намъ, но имени Твоему, Господи, принадлежитъ слово правды и руководство царствами и народами. И пророкъ вѣщаетъ: *„владѣтъ Вышній Царствомъ человѣческимъ и Ему же, аще восхождетъ, даетъ е.“*

По всему этому, будемте молиться о возлюбленномъ Государѣ нашемъ Императорѣ: да умудритъ Его Господь непоползновенно проходить Его великое служеніе и да дастъ Ему силы совершить все по сердцу Его, что Онъ благоволилъ начать къ усовершенствованію всѣхъ законовъ, расширенію всякихъ правъ тѣхъ, кто дѣйствительно стѣсненъ въ нихъ, и къ обузданію требующихъ излишества ихъ, ибо соотвѣтственно съ правами необходимо должны быть возлагаемы на получающихъ ихъ и обязанности. А тѣмъ, кто не исполняетъ своихъ непосредственныхъ обязанностей, тѣхъ не надѣлать должно новыми правами, но и отнять у нихъ тѣ, кои они не хотятъ использовать со всеобщю пользою для чести отечества и славы Государя своего. Слово Божіе о семъ такъ говоритъ: ему же дано много, съ того много и взъискивается. Бываетъ и такъ, что и малое, что имѣеть нетворящій добра, отнимается отъ него, и то, что воображаетъ имѣющимся; такъ что кто имѣеть и творить сообразное сему, у того и преизбудеть. А кто не дѣлаетъ ничего полезнаго и съ тѣмъ малымъ, чѣмъ владѣеть, то полезнѣе взять отъ него и это лежащее у него бесполезно. Сказанное о имѣніяхъ относится и ко всякаго рода силамъ и талантамъ. Будемъ же всѣ молиться, чтобы всѣ посильно трудились на благо отечества и утѣшеніе Монарха нашего. Аминь.

С Л О В О,

сказанное Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Никаноромъ, Архіепископомъ Казанскимъ и Свяжскимъ, въ Казанскомъ женскомъ монастырѣ 9 мая 1908 года.

Не имамы инья помощи, не имамы инья надежды, развѣ Тебе, Владычице міра. Ты намъ помози!

Во всѣхъ бѣдахъ и горестяхъ люди ищутъ утѣшеніе. Таки и мы должны искать утѣшеніе въ томъ несчастіи, которое постигло эту знаменитую обитель нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Гдѣ же и въ чемъ искать это утѣшеніе? Вотъ посему-то я и началъ мое слово общеизвѣстными словами церковной пѣсни: не имамы инья помощи, не имамы инья надежды, развѣ Тебе, Владычице міра. Ты намъ помози! У Нея, Владычицы міра, мы думали найти помощь, на Ея заступленіе мы надѣялись, у Нея же мы должны искать и утѣшеніе.

Итакъ, молитесь, сестры о Господѣ, Ей Первообразной, чтобы Она не покидала насъ Своею всемилостивою помощію и тѣмъ избавляла насъ отъ всѣхъ бѣдъ и золъ, благонравныя и богобоящіяся рабы Своя. И то можетъ служить нѣкоторымъ ослабленіемъ горести нашей, что Ея чудный образъ свершилъ въ свое время множество великихъ и славныхъ чудесъ по всей землѣ святорусской—какъ въ отдѣльныхъ домахъ и мѣстахъ, таки и для всей Церкви и нашего отечества. Давно явившись въ прежде темномъ, а нынѣ просвѣщенномъ, градѣ Казани, Она чрезъ образъ Свой магометанское нечестіе во многомъ утишила и всѣхъ научила, что почитаніе Св. Иконъ есть воздаяніе чести первообразнымъ лицамъ, на нихъ начертаннымъ.

Въ годину же бѣдствій святыня наша, подъятая въ царственный градъ, спасла его отъ ига иноплемениковъ и научи-

ла всѣхъ вопіять предъ нею: Заступнице усердная, Мати Бога Вышняго, за всѣхъ молиши Христа Бога нашего. И теперь: кто не знаетъ Казанскія иконы Богородицы? Милліоны списковъ имѣются съ нея. И тысячи храмовъ посвящены прославленію этой святыни, прославляемой славно въ долготу дней, лѣтъ и вѣковъ. И самый градъ нашъ извѣстенъ и словеть, именно, какъ мѣсто обрѣтенія чудотворной иконы въ семь градѣ и мѣстѣ семь.

Будемъ же молиться, чтобы слава сія не отходила отъ мѣста сего и во вѣки. Въ святомъ градѣ Іерусалимѣ былъ распятъ и погребенъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Его пречистаго тѣла не стало. Оно воскресло, но слава гроба сохраняется доселѣ и будетъ сохраняться вѣчно. Не стало и тѣла Богоматери въ Геесиманіи. Но ниодинъ посѣтитель Іерусалима изъ христіанъ не можетъ не быть какъ при гробѣ Христовомъ, такъ и въ Геесиманіи. Будемте молиться, чтобы также не оставляли своимъ посѣщеніемъ для молитвъ о предстательствѣ Богородицы и всѣ православные, особенно же тѣ, кои отъ лѣтъ древнихъ обыкли здѣсь молиться предъ образомъ Богородицы и проливать слезы радости и печали, прибѣгать къ Богородицѣ поюще и вопіюще: не имамы инья помощи...

Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не усугубить вамъ, сестры о Господѣ, бдѣнія, посты и молитвы ваши, ибо хотя не по грѣхамъ и беззаконіямъ нашимъ воздалъ намъ Господь, однако нельзя не сказать, что спящимъ намъ прииде врагъ злой... Посему будемъ бодрствовать и молиться всегда, да не увидимъ въ напасть, ибо духъ бодръ, а плоть немощна. И вы, старшія, немощи немощныхъ носите, всемѣрно исправляя ихъ, не себѣ угождая, но творя волю Божию святую и совершенную, въ ней же и свои всѣ пожеланія недобрыя можете угасить, а другихъ направить по стези мира, любви и спасенія о Господѣ, Богу содѣйствующу и Богородицѣ помогающей

благонравнымъ и богобоящимся рабамъ Ея, т. е. служащимъ Ей вседушевно, самоотверженно.

И труды къ трудамъ прилагайте болѣе, ибо не стало видимаго образа—покрова Владычицы, не стало и столько благотворителей и украсителей храма сего и обители сей. Посему старайтесь болѣе и болѣе приближаться ко Владычицѣ міра, Самой Первообразной, чтобы и другихъ привлекать къ Ней, а чрезъ то и къ Ея обители отъ лѣтъ древнихъ, и къ спасающимся въ ней о Господѣ и Пречистой Его Матери.

Всегда и вездѣ были лютые враги и ненавистники сей и подобныхъ обителей. Съ умноженіемъ же беззаконій и сокращеніемъ общей любви еще болѣе и болѣе возстаютъ лютые враги наши.

Посему, блюдите, како опасно ходите, дорожа часами и днями, ибо время вообще скоротечно, а теперь и весьма измѣнчиво въ настроеніяхъ людскихъ, такъ что и бывшіе благочестивыми нерѣдко дѣлаются враждебными намъ, и даже хулителями и возстающими на все то, что еще такъ недавно почиталось свято. Посему, прошу и молю васъ, мірскіе люди, не покидайте сего святаго мѣста. Вспомните древній благочестивый народъ Іерусалимскій. Они были лишены всѣхъ своихъ святыхъ. И чтоже они говорили? „Аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя.“ Они говорили такъ, находясь въ великой горести, но клялись, что они будутъ вспоминать Святой Сіонъ и въ началѣ каждаго веселія своего. Такъ и вы можете по прежнему прибѣгать къ этому святому мѣсту, въ этотъ и другіе благословенные храмы обители этой, чтобы изливать душу свою во всѣхъ радостяхъ и печаляхъ въ древнемъ обиталищѣ Богородицы, прося Ея всегдашняго покрова и заступленія говоря: всѣхъ насъ заступи, Царице и Владычице, ибо вмѣстѣ съ радостями однихъ приходятъ скорби другихъ; нерѣдко великія радости смѣняются горькими слезами тоски и горя.

Не преставайте къ обычной молитвѣ: не имамы инья помощи, развѣ Тебе, Владычице,—прибавлять и слѣдующія слова: на Тебе надѣмся и Тобою хвалимся. Эта похвала Богородицею какъ бы сжилась и срослась съ Казанью. А потому и граждане ея и всѣ вообще жители и обитательницы ея не только не должны отклоняться отъ Богородицы, но все болѣе и болѣе любить и прославлять Ее и тѣмъ скрашивать нашу скудость, о которой могу сказать еще слѣдующее. Любвеобильный Господь, какъ Премудрый Домовладыка, сѣетъ на землѣхъ многоразличныя добрыя сѣмена Свои, ибо всякъ даръ совершенъ свыше есть, но вездѣ среди добрыхъ произрастаній Божіихъ являютя и плевелы, о которыхъ Господь говорилъ, что ихъ врагъ насадилъ.

Посему, не только не должно способствовать разсадѣ всякихъ плевелъ, но нужно и вырывать ихъ, полоть по мѣрѣ возможности каждаго, и тогда все въ мірѣ будетъ чистою Божіею пшеницею, а оставшіеся плевелы Самъ Господь чрезъ Ангеловъ Своихъ сожжетъ огнемъ неугасаемымъ, гдѣ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ. Аминь.

Р Ѣ Ч Ъ,

сказанная Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Никаноромъ, Архіепископомъ Казанскимъ и Свіяжскимъ, 13 мая 1908 года въ Казанской Инородческой Учительской Семинаріи.

Помянухъ дни древнія и поучихся.

Вотъ какое старое слово Писанія приходится сказать мнѣ, присутствуя здѣсь на старомъ мѣстѣ моего молодого служенія, въ этомъ святомъ храмѣ и въ этомъ прекрасномъ учебномъ заведеніи, воспитывающемъ многихъ инородческихъ дѣтей народа, чтобы они понесли въ свои деревни и села свѣтъ Христовъ, просвѣщающій всѣхъ людей всего міра.

Въ такомъ широкомъ, міровомъ представленіи воспитанія встарину велось здѣсь дѣло просвѣщенія будущихъ народныхъ учителей. И соучаствуя пять лѣтъ въ сотрудицествѣ приснопамятнаго Николая Ивановича Ильминскаго, я ни разу не слыхалъ, чтобы здѣсь кто либо величался тѣмъ, что онъ русскій, татаринъ, или уничижался тѣмъ, что онъ черемисинъ, чувашинъ. Мордва, буряты, вотяки, чуваша—все это были милые люди наши, свои родные, которые тогда пѣли Господу на своихъ языкахъ, но молились всѣ единодушно вкупѣ, единымъ сердцемъ слава Бога—Единого всѣхъ Отца, Спасителя и Утѣшителя Духа. Какъ добрый пастырь, блаженной памяти Николай Ивановичъ всегда здѣсь предстоялъ предъ своими агнцами, а я предъ Престоломъ Божиимъ, радостно, лигуя по всякому поводу того или инаго воспитательнаго и просвѣтительнаго успѣха. Были, конечно, и рѣзкія исключенія изъ общаго добраго воспитательнаго настроенія, но они рѣзко и карались, но не начальственными распоряженіями только, а и общимъ осужденіемъ всего состава учащихъ и учащихся. Это была нормальная жизнь нормальнаго организма, который болѣлъ весь, когда въ немъ оказывался пораженнымъ или зараженнымъ болѣзнію одинъ. И вотъ, этотъ живой и естественный организмъ, или, самъ весь страдая, переносилъ съ сердечною болью и тоскою эту болѣзнь, или изгонялъ ее естественно, какъ отпадаетъ прилипчивая чужая короста и всякая заносная нечистота. Здѣсь тогда какъ бы всѣ разумѣли, что нужно изъять злаго отъ насъ самихъ. Но вездѣ и во всемъ болѣлъ болѣе всѣхъ Николай Ивановичъ. Собесѣдовательный и общительный вообще, онъ становился молчаливымъ. Всегда приходившій на молитву раньше другихъ, онъ становился еще прилежнѣе. Видимо, онъ твердо надѣялся на слово Писанія: возверзи печаль твою на Господа и Онъ успокоитъ тебя. И всѣ не могли не слѣдовать за нимъ, ибо это была добрая, воспитательная семья, которая еще усугублялась тѣмъ, что въ ней были три и даже четыре родственныя лица, изъ кото-

рыхъ одни опочили среди непрерывныхъ трудовъ своихъ, а другія подвизаются съ честію и славою многою, во многомъ обязанные энтузіазму и широтѣ взглядовъ основателя этой почтенной школы, не только учениковъ, но и сподвижниковъ, изъ нихъ же не первый есмь азъ, ибо многіе болѣе меня здѣсь потрудились и болѣе получили отъ спеціальныхъ трудовъ своихъ. Да воздастъ имъ Господь во время свое. Наипаче же да упокоитъ Онъ въ селеніяхъ Своихъ многопечительную и многообъемлющую душу истиннаго и преданнѣйшаго раба Своего Николая, который, не щадя себя, обычно молился и трудился даже тогда, когда весь преутруженный сталъ, ослабѣвъ всѣми членами своего тѣла и особенно его внутренностями, незримо, но неудержимо разрушавшими нѣжную структуру всего его существа.

Повидимому, его давно не стало, но его духъ долженъ жить здѣсь вѣковѣчно, и слава о немъ, соединенная съ молитвами, должна быть изъ рода въ родъ, ибо не тщетно сказано: въ память вѣчную будетъ праведникъ и отъ слуха зла не убоится. Посему и вы, преемники силы и духа его, не удивляйтесь и не ужасайтесь, если будутъ нападать на васъ или ту добрую систему воспитанія и образованія инородцевъ, виднѣйшимъ представителемъ которой былъ достойный памяти Николай Ивановичъ Ильминскій. Особенно не должно смущаться злыми рѣчами современныхъ писателей, дерзко порицающихъ всѣхъ и все. Таковъ у нихъ уже стиль писанія въ духѣ времени, ибо они часто невѣдятъ, что говорятъ, такъ какъ головокружительное теченіе обстоятельствъ не даетъ имъ возможности и силъ на чемъ либо сосредотиться, а тѣмъ болѣе поработать практически. Основоположитель же сей школы много и думалъ, много и работалъ, и притомъ въ многоразличныхъ сферахъ бытія и жизни, особенно просвѣтительной, какъ бывшій профессоръ Духовной Академіи и Университета, еще болѣе, какъ практикъ—идеально-реальный. Да, было чему тогда поучиться. Но учиться никогда не поздно, а

потому, присутствуя здѣсь, можно паки и паки сказать: помянухъ дни древнія и поучихся. Аминь.

„Основные мотивы творчества М. Горькаго“.¹⁾

Проводятъ параллель между Горькимъ и Ницше. Конечно, кое-что общее есть: та же ненависть ко всякимъ авторитетамъ, то же презрѣніе ко всему слабому, приниженному, и отсюда отрицаніе состраданія и жалости къ другому, та же проповѣдь личной свободы и независимости, то же обоженіе человѣка. Но между ними и глубокое различіе. Ницше чистѣйшій индивидуалистъ; это, такъ сказать, „аристократъ индивидуализма“, грубо презирающій массу народа. По мнѣнію Ницше, „имморальность человѣка будущаго, сверхъ—человѣка, должна быть достояніемъ только небольшого числа высшихъ существъ, которыя составятъ изъ себя аристократическую касту и явятся высшимъ цвѣтомъ и смысломъ земли. Но на ряду съ ними будетъ существовать и высшая каста: это-та безцвѣтная толпа посредственностей, на счетъ которой будетъ жить высшая каста; для этихъ людей нужна и религіозная вѣра, и опредѣленная скрижаль моральныхъ цѣнностей и мечты о потустороннемъ; но больше всего имъ нужно подчиненіе чужой воли, рабская покорность властвующимъ надъ ними аристократамъ. Это-рабы, существующіе только для того, чтобы пресмыкаться предъ высшими классами и исполнять черную работу въ области земледѣлія, промышленности и, пожалуй, даже въ наукѣ и искусствѣ. Единственный законъ для нихъ—воля господина, созидающаго жизнь“ („Достоевскій и Ницше“. Проф. А. В. Смирнова стр. 25).

Горькій же постольку индивидуалистъ, поскольку это нужно въ цѣляхъ будущаго соціалистическаго строя для отрицанія всѣхъ исторически нажитыхъ традицій и преданій, мѣшающихъ этому будущему. Онъ говоритъ не только о томъ, что даетъ человѣку права на автономію, но и о томъ, что собственно даетъ окружающему такую власть надъ нимъ. Чѣмъ оно выше его? Переоцѣнивъ это окружающее, онъ пы-

¹⁾ Окончаніе. См. № 23—24, 25.

тается доказать, что оно не выше. Склоняться *не передъ чѣмъ*. Его индивидуализмъ—это только историческая категория мысли, нужная въ качествѣ костра, на которомъ должны сгорѣть остатки преданій и устои нашего прошлаго. Переоцѣнка всѣхъ цѣнностей, которыя стоятъ на пути къ свободѣ и автономіи, должна служить фундаментомъ новаго зданія жизни, которое устроить новое сословіе—„пролетаріатъ“. Въ немъ только сила, остальное же все пережило само себя, и съ этой точки зрѣнія „жалѣть“ его нечего; чѣмъ скорѣе оно сойдетъ со сцены жизни, тѣмъ лучше. Послѣдняго рода мысли онъ проводитъ въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ: въ „Дѣтяхъ солнца“, въ „Варварахъ“, въ „Врагахъ“. „Эти новые люди побѣдятъ“, говоритъ онъ устами Татьяны, „жалѣть теперешнихъ людей нечего, потому что они всѣхъ убиваютъ“. . . . „Это они убиваютъ всю жизнь своею жадностью, своею трусостью! Они, они преступники!“ (слова Нади въ послѣдней сценѣ: „Враги“).

Въ этомъ новомъ царствѣ будетъ полный аморализмъ, т. е. свобода художественной и научной мысли человѣка отъ всякой власти этическихъ цѣлей. Мысль должна быть не этической прежде всего, какъ, напр., мысль Толстого, какъ христіанская мысль вообще, а свободной и творческой. Творчество—ея стихія, источникъ ея безкорыстной радости, ея величія и силы. Мысль, создающая искусство и науку, порождающая новые образы, раздвигающая границы невѣдомаго, т. е. не познаннаго, должна сбросить съ себя всѣ оковы—одинаково, какъ оковы современной торгашеской цивилизаціи, такъ и этико-общественнаго догматизма.

Отсюда: а) высшее благо человѣка—творчество.

б) При будущихъ нормальныхъ общественныхъ отношеніяхъ, т. е. при свободѣ отъ экономическаго рабства, всякій можетъ быть въ той или другой степени, въ такой или другой области творцомъ, т. е. создателемъ новыхъ идей, новыхъ лучшихъ приѣмовъ работы, новыхъ семейныхъ и общественныхъ отношеній.

в) Свою санкцію, свое вдохновеніе творчество получаетъ въ идеѣ пролетаріата и личности.

Таковъ, по мысли Горькаго, „индивидуализмъ пролетарскій“.

Эти идеи онъ развиваетъ въ своемъ этюдѣ—„Человѣкъ“ (Сборн. товар. „Знаніе“ 1903 г.) и высказываетъ въ рѣчахъ Протасова, Елены и Вагина—„въ Дѣтяхъ солнца“.

М. Горькій вызываетъ передъ собою „величественный образъ человѣка, когда чувствуетъ усталость духа. Этотъ человѣкъ „необъятенъ, какъ міръ, медленно шествуетъ—впередъ! и—выше!“ Онъ видитъ его гордое чело и смѣлые, глубокіе глаза, а въ нихъ—лучи безстрашной, мощной мысли, той мысли, что постигла чудесную гармонию вселенной, той величавой силы, которая въ моменты утомленія—творитъ Боговъ, въ эпохи бодрости—ихъ ниспровергаетъ“.

До конца рѣчи о „человѣкѣ“ остается невыясненнымъ, что—это за мысль? Есть-ли она нѣчто, въ человѣкѣ лежащее, или извнѣ на него воздѣйствующее, самостоятельная-ли сила, вліяющая на человѣка, или его же собственное порожденіе? Последнее вѣрнѣе, такъ какъ рѣчь, произносимая человѣкомъ, заключается словами: „все—въ человѣкѣ, все—для человѣка“.

Но что бы ни изображала изъ себя „мысль“, атрибуты ея довольно опредѣленны.

Она есть величавая сила, „которая въ моменты утомленія—творитъ Боговъ, въ эпохи бодрости—ихъ ниспровергаетъ“.

„Боговъ“—написано съ прописной буквы, что бы не оставалось сомнѣнія, что въ число ихъ вносятся не только лжебоги и всякіе человѣческіе кумиры, но и Богъ вообще. Бога нѣтъ, его замѣняетъ мысль. Богъ—это нѣчто, создаваемое мыслью въ моменты утомленій, такъ сказать, въ бреду,—большая фантазія, никому и ни на что не нужная, быстро низвергаемая въ эпоху бодрости. Далѣе, Горькій одѣваетъ вѣру въ „дохмотья старыхъ истинъ, отравленные ядомъ предразсудковъ“, и называетъ ее однимъ изъ враговъ мысли. Вѣра, по Горькому, неподвижна, въ ней живетъ злая жажда безграничной власти, въ ней—стремленіе поработить всѣ чувства, у нея—спрятанные когти изувѣрства; тяжелыя крылья ея—безсильны, пустыя очи ея слѣпы. Вѣры ищетъ только испуганное сердце. Такимъ образомъ, вѣра, какъ и Богъ,—понятія вредныя, порожденныя человѣкомъ, имъ же въ минуты бодрости отвергаемыя. Не лучший приговоръ произносится надъ любовью и надеждой. Любовь—„голодная“ и надежда—„усталая“ одѣты въ тѣ же лохмотья, какъ и вѣра. У любви коварныя и пошлыя уловки, за нею грязный ликъ чувственности, и ея желаніе—овладѣть любимымъ, ея стремленіе—унижать и унижаться... .

Итакъ, одухотворяющая сила—любовь низводится Горькимъ на степень простого полового влеченія, проявленія котораго въ описаніяхъ Горькаго иногда такъ циничны и грязны.

Надежда осуждена еще жесточе и безопадноше. Она пуглива и бессильна, ея родная сестра—нарядная, роскошная ложь, „готовая всегда и всѣхъ утѣшить и обмануть своимъ красивымъ словомъ“. Итакъ, ни вѣры, ни любви, ни надежды!

И, освободившись отъ этаго багажа, отъ этого балласта, гордый человѣкъ идетъ впередъ! и выше!

„Вотъ онъ усталъ, шатается и стонетъ; испуганное сердце ищетъ вѣры и громко проситъ нѣжныхъ ласкъ любви“....

„И если гордость въ немъ не возмутится, страхъ смерти властно гонитъ человѣка въ темницу вѣры, а любовь, побѣдно улыбаясь, влечетъ его въ свои объятія, скрывая въ громкихъ общаніяхъ счастья печальное безсиліе быть свободной и жадный деспотизмъ инстинкта“... .

„Въ союзѣ съ ложью, робкая надежда поетъ ему о радостяхъ покоя, поетъ о тихомъ счастьѣ примиренія, и мягкими, красивыми словами баюкаетъ дремотствующій духъ, толкая его въ тину сладкой лѣни и въ лапы скуки, дочери ея“....

Такимъ образомъ, все, что доселѣ ободряло человѣчество въ его жизненномъ походѣ, заставляло вѣрить въ торжество науки, заставляло биться его сердце идеалами будущаго, что скрашивало началами гуманности, все-это, по Горькому, ложь и синонимы лжи.

„Но если возмущеніе вспыхнетъ въ немъ... онъ, гордый и свободный, мужественно смотритъ въ очи правдѣ и говоритъ:

„Я призванъ освѣтить весь міръ, расплавить тьму его загадокъ тайныхъ, найти гармонію между собою и міромъ, въ себѣ самомъ гармонію создать и, озаривъ весь мрачный хаосъ жизни на этой изстрадавшейся землѣ, покрытой, какъ накованную болѣзнію, корой несчастья, скорби, горя, злобы, всю злую грязь съ нея смести въ могилу прошлаго!“....

Призванъ, но кѣмъ? Вѣроятно, мыслію, такъ какъ далѣе говорится что „человѣкъ созданъ мыслію“, но кто же она, наконецъ,—творческое начало или порожденіе человѣка, „въ котормъ все?!

„Я созданъ мыслію затѣмъ, что-бы опрокинуть, разрушить, растоптать все старое, все тѣсное и грязное, все злое—и новое создать на выкованныхъ мыслію неизблемыхъ устояхъ свободы, красоты и уваженія къ людямъ!“... . Значитъ, на смарку все прежнее, т. е. все то, чѣмъ человѣчество жило и во имя чего жило... . Долой „старую“ религію, „старую“ семью,

„старое“ общество, „старое“ государство, „старую“ любовь къ родинѣ,—все это нужно „опрокинуть, разрушить, растоптать“. Горькій обѣщаетъ и созданіе „новаго“ на выкованныхъ мыслію неизблемыхъ устояхъ свободы, красоты и уваженія къ людямъ“. Конечно, громко, но убѣдительно-ли? Мы все-же не знаемъ, въ чемъ свобода, красота и уваженіе къ людямъ, по М. Горькому? Вѣдь нельзя-же признать за „свободу“ распущенность и бахвальство разнузданнаго босяка, а другой свободы мы еще у него пока не видѣли.

И о красотѣ мы еще пока ничего не знаемъ, кромѣ красивыхъ словъ Елены и Вагина въ „Дѣтяхъ солнца“.

Мы, наконецъ, не видимъ уваженія къ людямъ, когда къ будущему хотятъ идти черезъ опрокидываніе, разрушеніе и растаптываніе того, что людямъ дорого и чѣмъ они были живы вѣка—хотятъ идти черезъ Бога, Вѣру, Надежду и Любовь. Вѣдь „для мысли“ Горьковскаго человѣка „нѣтъ твердынь несокрушимыхъ и нѣтъ святыхъ неизблемыхъ ни на землѣ, ни въ небѣ“, Все создается ею, и это ей даетъ неотъемлемое право разрушить все. . . .

Наконецъ, человѣкъ вѣщаетъ: „смыслъ жизни вижу въ творчествѣ, а творчество самодовлѣетъ и безгранично! . . . Настанетъ день—въ груди моей сольются въ одно великое и творческое пламя міръ чувства моего съ моей бессмертной мыслію, и буду я подобенъ тѣмъ богамъ, что мысль моя творила и творить! Все въ человѣкѣ, все для человѣка“!

Итакъ, „будете, какъ боги“... Но вѣдь это давно, еще на зарѣ человѣческой жизни было лживо обѣщано, и такъ горько люди расплачивались за свое довѣріе къ этому обѣщанію! Да, дальше въ упоеніи самообожанія, конечно, идти некуда. . . .

Вдумываясь въ идеологію Горькаго, имѣющую, по преимуществу, характеръ отрицанія настоящаго, а не выясненія положительныхъ идеаловъ будущаго, мы не можемъ не видѣть здѣсь типичнаго выраженія современной мысли, характеризуемой терминомъ—„индивидуализмъ“.

Личность нашего времени достигла небывалаго развитія, какого не видали предшествующіе вѣка. Это развитіе ведетъ къ осложненію душевной организаціи, къ изощренію мысли и чувства, а стало быть и къ повышеннымъ, труднѣе удовлетворимымъ запросамъ и требованіямъ. Найти свое душевное счастье, достигъ внутренняго удовлетворенія, мира чувствъ и

радости мысли—современному человѣку несравненно труднѣе, чѣмъ это было возможно въ старину. Отсюда вѣчное недовольство собою, своею жизнію, другими людьми, разочарованность, самолюбіе и многое другое. Естественнымъ результатомъ крайняго индивидуализма въ общественномъ укладѣ и въ самоопредѣленіи личности является миражъ личнаго счастья и упорная погоня за нимъ.

Свободное, ничѣмъ неограничиваемое проявленіе своей личности—вотъ основная мечта, и во имя ея происходитъ борьба съ христіанскою моралью, показывающею высшій смыслъ человѣческой жизни въ жизни для ближнихъ, и въ томъ, чтобы полагать за нихъ душу свою.

Индивидуализмъ Горькаго—это потокъ мысли, пытающейся разрушить всѣ обязательства, предъявляемые человѣку современнымъ обществомъ. Онъ своихъ „героевъ“ заставляетъ чувствовать, что они рабы семьи, рабы общества, которымъ должны служить. А разъ они сознали это, то должны попытаться сбросить ихъ, какъ тяжелыя цѣпи. Онъ мечтаетъ о томъ строѣ жизни, гдѣ не было бы никакихъ обязательствъ, нѣтъ семьи, которая бы подчиняла человѣка любовью и жалостію. Ему кажется, что въ настоящихъ условіяхъ личность и ея творчество связаны и продажны. На деньги, на любовь ближнихъ, на славу мѣняетъ человѣкъ свое вдохновеніе, потому что каждымъ помысломъ своимъ обязанъ служить интересамъ общества. Альтруизмъ, христіанство связали его; отсюда—проповѣдь замѣны религіозныхъ вѣрованій гордыней своего „я“, противопоставленіе мысли и творчества филантропіи и альтруизму. . .

По мысли Горькаго, если въ насъ остались героическіе порывы, то точка приложенія ихъ должна быть не та, что раньше; это—не альтруизмъ, не жалость, не любовь къ ближнему. На чувствахъ жалости и любви, по его мнѣнію, построить ничего нельзя. Есть что-то другое,—это свобода человѣческой мысли и творчества, удовлетворенное чувство простора личности.

Горькій говоритъ, что въ сущности наша единственная обязанность—это искренность и правдивость въ отношеніи своей мысли и чувства, какія бы они ни были. Источникъ всего человѣчески „добраго, полезнаго и прекраснаго“ мы должны—де видѣть лишь въ свободномъ проявленіи своей личности, а не въ слѣдованіи догмѣ, какаю бы она ни была. То, что че-

ловѣкъ дѣлаетъ противъ себя, можетъ быть и общественно полезно и можетъ даже спасти ближняго, но это безнравственно, какъ грѣхъ передъ собою, какъ нарушение своего „я“. Такимъ образомъ, альтруистическіе мотивы, служеніе другимъ во имя самоотверженной любви чужды его мысли. . .

Онъ согласенъ на сліяніе матеріальныхъ интересовъ въ царствѣ соціалистическаго строя, но не на сліяніе душъ, на самоограниченіе кооперацій союзомъ, но не церковію. Въ результатѣ этого, по его мнѣнію, должно быть исчезновеніе холопскихъ чувствъ и чувства презрѣнія къ ближнимъ, такъ какъ измѣненіе экономическихъ условій сдѣлаетъ каждую личность независимою отъ другихъ личностей, каждая личность вернетъ природу, изъ которой только и можно черпать силу и жизнерадостность.

При такихъ условіяхъ создастся особый, совершенный типъ человѣка—сверхчеловѣка.

Но это будетъ сверхчеловѣкъ не по отношенію къ своимъ ближнимъ, а по отношенію къ своимъ предкамъ. Это будетъ человѣкъ высокой души, чувствующій себя великимъ среди великихъ, счастливымъ среди счастливыхъ, сильнымъ не среди искалѣченныхъ карликовъ, а среди безбрежнаго общества такихъ-же сильныхъ людей, ставящихъ высшей своею честію не грызню, не истребленіе другъ друга, а совмѣстную борьбу за разрѣшеніе величайшихъ проблемъ.

Тогда то и наступитъ „царство силы мысли и красоты“. . . . Эти мысли, брошенные вскользь въ „Дѣтяхъ Солнца“, во „Врагахъ“, развиваются подробнѣе въ рассказѣ „Мать“, составляющемъ уже прямую идеологію „соціализма“, преподносимаго читателямъ въ формѣ художественныхъ образовъ.

Таковъ, по моему мнѣнію, смыслъ художественнаго творчества Горькаго.

Я въ настоящемъ случаѣ не имѣю времени, да и не ставилъ своей задачей—критически отнестись къ этимъ соціалистическимъ проблемамъ. Я хочу въ нѣкоторой мѣрѣ обратить ваше вниманіе на другую сторону. Считаюсь съ фактомъ популярности произведеній Горькаго, я задаю себѣ вопросъ: а) въ современной культурѣ, противъ цѣнностей которой такъ горячо вооружается Горькій, нѣтъ-ли дѣйствительно такого рода условій, который вызывали бы этотъ протестъ? б) и можетъ-ли Церковь—носительница завѣтовъ

Христа, оставаться равнодушной при распространении в обществѣ идеаловъ будущаго, какъ они рисуются Горькимъ и др. подобными ему?

Въ древнемъ мнѣнїи о красавцѣ Нарциссѣ рассказывается, что онъ былъ такъ влюбленъ въ красоту своего лица, что, не отрываясь, любовался на свое отраженіе въ ручьѣ. Мы, носясь выше мѣры со своею культурою и навязывая ее въ другихъ странахъ сплошь и рядомъ противъ воли и желанія, не являемся-ли въ своемъ родѣ также Нарциссами? Ослѣпленные достигнутою красотой культуры, мы не допускаемъ возможности иной, болѣе совершенной. Но также, несомнѣнно, думали о своей культурѣ, что она—высшее проявленіе человѣческаго духа, и древніе египтяне съ ихъ іероглифами, пирамидами и плотинами вдоль Нила, древніе ассирійцы и вавилоняне съ ихъ клинообразными письменами, инки и перуанцы въ Мексикѣ и другіе, сошедшіе съ мировой арены. И вотъ всѣ эти культуры—египетская, ассиро-вавилонская, античная греко-римская, средне-вѣковая арабская, какъ и существующія теперь культуры индусовъ и китайцевъ, отнюдь, конечно, не могутъ быть признаны завершеніемъ, высшею точкою развитія человѣческаго духа. Въ сравненіи съ ними европейская культура, безъ сомнѣнія, выше, но какова эта высота: относительная или безусловная? Если изобразить значеніе и высоту всѣхъ бывшихъ и наличныхъ культуръ графически, чертами большей или меньшей величины, европейская культура займетъ самое почетное мѣсто, будетъ отмѣчена самою высокою большою чертою; но будетъ ли за нею точка, конецъ разнообразію культуръ, невозможность новыхъ, или же наша культура въ ея наличной дѣйствительности, съ ея идеями и руководящими началами, не есть высшее, до чего можетъ достигнуть человѣчество, и въ будущемъ возможна иная и уже, дѣйствительно, безусловно высшая и вѣчная культура.—Это вопросъ серьезный, роковой. Затѣмъ слѣдуетъ непосредственно практическій вопросъ: идти-ли намъ дальше уже намѣченнымъ и протореннымъ путемъ, только лишь расширяя, углубляя и всячески совершенствуя его, или надо искать новыхъ путей, прокладывать дорогу новымъ идеямъ, болѣе свѣтлымъ и возвышеннымъ руководящимъ понятіямъ и началамъ жизни?

Говоря короче, наша современная культура есть-ли хотя бы не расцвѣтъ, но заря заключительной вѣчной культуры,

или одна изъ разновидностей уже бывшихъ, существующихъ теперь и впредь имѣющихъ быть культуръ?

По самому словопроизводству слово „культура“ (отъ лат. слова обработываю) значить обработка, но чего? Можно быть прекраснымъ человѣкомъ и скверно играть на скрипкѣ, еще того хуже пѣть; и наоборотъ, можно быть виртуозомъ въ музыкѣ, искусно владѣть кистью или рѣзцомъ и представлять изъ себя нравственное чудовище. Выдающійся ученый и знаменитый юристъ или врачъ не предполагаютъ непременно въ тоже время и замѣчательнаго съ нравственной стороны человѣка, выдающуюся по духовной красотѣ личность. Одна и таже личность въ одномъ отношеніи можетъ быть усовершенствована, на рѣдкость обработана, а въ другомъ въ тоже время представлять жалкое убожество, полную независимость. Всякое-ли совершенство, обработка какихъ бы то ни было качествъ человѣка дѣлаетъ его культурнымъ или только нѣкоторыхъ сторонъ, силъ и способностей личности дѣлаетъ ее по преимуществу культурной? Сомнѣній въ отвѣтъ быть не можетъ. Высшую культурность человѣку придаетъ обработка, развитіе и совершенствованіе высшихъ его духовныхъ качествъ, красота его нравственной физіономіи, а отнюдь не совершенство его техническихъ приемовъ и даже богатство научныхъ познаній. Поэтому наличность благоустроенныхъ городовъ, музеевъ съ прекрасными, мастерски исполненными статуями и картинами, удобство путей сообщенія, развитіе промышленности и торговли, ростъ научныхъ знаній никакъ еще не есть доказательство высшей культурности. Все это по отношенію къ человѣческому духу есть внѣшнее, его наружная форма и изящество; внѣшняя красота этой формы говоритъ только о технической культурѣ: красота матерій говоритъ о высокой культурѣ тканей; изящество фарфора говоритъ о культурѣ глины, красивыя зданія и статуи служатъ показателемъ высокой культуры мрамора и камня вообще. Но это вѣдь культура окружающей человѣка обстановки, а не культура его самого, не культура человѣческой личности. Культура же человѣческаго духа даже у самыхъ передовыхъ народовъ пока еще довольно не высока и отнюдь не достигла своего высшаго развитія, наибольшей красоты. Съ этой стороны человѣчество представляетъ совсѣмъ еще не остывшую планету, внутри которой, какъ въ котлѣ, пылаетъ огонь и

клокочет лава. Время от времени, нѣтъ—нѣтъ да и прорвется пламя наружу, произойдетъ то землетрясеніе, то изверженіе—то вспышка національной, то религіозной, то соціальной вражды. Возьмите внутреннюю жизнь самыхъ культурныхъ европейскихъ народовъ: невѣжество народныхъ массъ, чрезмѣрное труженичество, вошіющая ницета однихъ рядомъ съ праздностію и расточительностію другихъ чувствуются не менѣе болѣзненно и въ вѣкъ электричества и пара, чѣмъ въ вѣка грубаго варварства. Тюрьмы такіе же обычные спутники научнаго прогресса, какъ и роскошные дворцы и великолѣпные магазины. Въ крупныхъ городахъ, на улицахъ, залитыхъ асфальтомъ и озаренныхъ электрическими солнцами, мы, какъ и вездѣ, встрѣчаемъ истомленные, хмурые, злобныя лица. Среди наибольшаго скопленія богатства люди умираютъ съ голода и болѣзненныя дѣти сосутъ изсохшія груди своихъ матерей. Трагизмъ евангельской притчи о богатомъ и Лазарѣ не утратилъ своей глужести и доселѣ. Извѣстный ученый Гексли спрашиваетъ: „что пользы человѣку—Прометею въ томъ, что онъ добылъ огонь съ неба и сдѣлалъ его своимъ слугою, что ему повинуются духи земли и воздуха, если коршунъ нужды вѣчно будетъ раздирать его внутренности и держать его на волоскѣ отъ полнаго разрушенія?? Я не боюсь выразить мнѣніе, что если нѣтъ надежды на значительное улучшеніе положенія большей части человѣческой семьи; если правда, что ростъ знанія, дающій въ результатѣ приобрѣтеніе большей власти надъ природой, и даваемая властію богатства, ничѣмъ не измѣняетъ напряженности нужды и ея распространенія со всѣмъ сопровождающимъ ея физическимъ и моральнымъ вырожденіемъ въ массахъ народа, я радостно привѣтствовалъ бы приближеніе какой нибудь услужливой кометы, которая, смывъ золой всю эту исторію, положила бы ей желательный конецъ“. „Этотъ союзъ бѣдности съ прогрессомъ, говоритъ Генри-Джорджъ, есть великая загадка нашего времени. Это центральный фактъ, изъ котораго вытекаютъ тѣ промышленныя, общественныя и политическія затрудненія, которыя спутываютъ міръ и съ которыми тщетно борются государственные люди, филантропы и др. Отъ него поднимаются тѣ тучи, которыя застилаютъ собою будущее самыхъ прогрессивныхъ и независимыхъ націй. Это загадка, которую сфинксъ судьбы задалъ нашей цивилизаціи и

не разгадать которой — значить погибнуть. До тѣхъ поръ, пока весь ростъ богатства, который называется матеріальнымъ прогрессомъ, будетъ уходить лишь на образованіе огромныхъ состояній, на увеличеніе роскоши и на усиленіе контраста между домомъ изобилія и домомъ нужды, до тѣхъ поръ прогрессъ не можетъ считаться дѣйствительнымъ и прочнымъ“. Реакція должна наступить. Но вотъ здѣсь-то и выступаетъ со всею силою трагизмъ современнаго положенія Церкви, носительницы христіанства. Вѣдь современная культура официально признаетъ христіанство своимъ руководителемъ въ своихъ идеалахъ; Евангеліе считается Божественнымъ Откровеніемъ; ученіе І. Христа провозглашается истиною, высшимъ идеаломъ нравственной жизни; съ тысячей кафедръ проповѣдуется, что христіанство добрая вѣсть спасенія всему міру... И наряду съ этой официально-показной стороной глубокое противорѣчіе въ дѣйствительности: постановка и рѣшеніе вопросовъ высшаго порядка обнаруживаетъ часто самое смутное, сбивчивое пониманіе основныхъ, элементарныхъ сторонъ христіанскаго міровоззрѣнія. Отсюда понятенъ протестъ Горькаго не только противъ современной культуры вообще, но и официально признаваемой ею религіи — христіанства. И вотъ почему церковь не должна, не въ правѣ оставаться постороннею зрительницею. Если она не хочетъ отказаться отъ самой себя, поставить, такъ сказать, крестъ надъ собою, она не можетъ спокойно смотрѣть, какъ вмѣстѣ съ походомъ противъ современнаго строя жизни извращается и вытравляется христіанская вѣра, и въ сердцахъ многихъ тысячъ насаждаются противохристіанскія понятія. Церковь наша доселѣ въ этомъ отношеніи мало дѣйствовала, а если иногда и проявляла свою дѣятельность, то не такъ, какъ бы слѣдовало. Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ изъ нашихъ отечественныхъ архипастырей: „Многіе представители церкви, ратуя противъ современной мысли, переоцѣнивающей все старое и мечтающей о социалистическомъ строѣ будущаго, нападали на нее, вообще, огульно, безъ разграниченія того, что есть въ ея ученіи ложнаго и что справедливаго, а потому не достигали своей цѣли, и только еще болѣе укрѣпляли богатыхъ и сильныхъ въ неотзывчивости на нужды бѣдныхъ и слабыхъ, въ ихъ нехристіанскомъ ожесточеніи противъ увѣщаній къ состраданію и милосердію. А страждущимъ бѣд-

някамъ проповѣдывали то о бережливости, тогда какъ у нихъ, при недостаткѣ даже на необходимыя житейскія нужды, нечего было и сберегать, то о терпѣннн и надеждѣ, тогда какъ они давно уже все это имѣли. Это голословное постоянное „нѣтъ“ безъ указанія положительнаго средства къ удовлетворенію только болѣе возмущало однихъ и нисколько не смягчало окаменѣлыя сердца другихъ. Что же удивительнаго, если поколебалось довѣріе и уваженіе къ церкви, если стали называть ее злою мачихою бѣдняковъ, союзницею буржуазіи, адвокатомъ богатыхъ и знатныхъ“ (Бесѣда Митрополита Московскаго Владиміра „Церк. вѣдом.“ 1907 г. № 14)“. Что удивительнаго, если Горькій и другіе подобные ему проповѣдуютъ: „Долой Бога, долой религію, долой церковь.“ Много правды заключается въ томъ, что пишетъ одинъ изъ служителей церкви: „когда присматриваешься къ тому, что вокругъ насъ происходитъ, то стыдно становится за наше современное христіанство.

Въ то время, какъ позитивисты и атеисты требуютъ улучшенія быта бѣдныхъ, обездоленныхъ меньшихъ братій нашихъ, у насъ, въ христіанскомъ обществѣ, находятся еще люди, которые подвергаютъ сомнѣнію, можно-ли и должно-ли содѣйствовать осуществленію этихъ требованій. Еще стыднѣе становится за церковь, которая видитъ, какая непроходимая пропасть образовывается между богатыми и бѣдными, между привилегированными и полуправными, и какъ первые безпощадно попираютъ послѣднихъ,—и однако молчатъ, боясь открыть уста свои противъ сильныхъ и своимъ молчаніемъ какъ бы одобряетъ эту несправедливость.

Что же удивительнаго, если во всѣхъ слояхъ нашего общества такъ сильно развился дикій эгоизмъ и партійность, разгорѣлись страсти, обострилась борьба всѣхъ противъ всѣхъ“ (Церков. вѣд. 1907 г. № 14).

Отсюда слѣдуетъ: если церковь не можетъ спокойно и безучастно смотрѣть на современныя теченія мысли, то, съ другой стороны, она не должна безъ разбора и огуломъ все здѣсь подвергать осужденію; этимъ церковь вредитъ только себѣ самой, и вслѣдствіе такого несправедливаго и не любовнаго отношенія только еще болѣе ожесточаетъ враговъ современной культуры.

Какъ же должна дѣйствовать церковь? Тысячи обладающихъ богатствомъ и властію и образованіемъ людей, которые сами по себѣ ничего не хотятъ знать о церкви, въ настоящее время взываютъ однако же къ церкви, какъ орудію и вспомогательному средству противъ опасности современнаго разрушительнаго движенія мысли. Но, если интеллигенція и обезпеченные классы видятъ въ религіи и церкви только средство къ огражденію своего сибаритства и страсти къ наслажденіямъ, а исполненіе ученія ея оставляютъ только на долю трудящихся, то что это, какъ не фарисейство? И какъ назвать такое настроеніе, какъ не высокомеріемъ, если они думаютъ, что религія нужна и полезна только бѣдняку и рабочему, а для нихъ самихъ она—не нужная вещь. Это лицемеріе и эта гордость нашей богатой интеллигенціи, удаляющейся отъ церкви, и однако же взывающей къ церкви, какъ къ якорю спасенія, очень затрудняетъ дѣятельность церкви, и требуетъ отъ нея большой осторожности и благоразумія. Какъ носительница и провозвѣстница вѣчной истины, она стоитъ выше всѣхъ партій и не должна отдавать себя въ услуженіе ни одной изъ нихъ. Она должна твердо держаться своей собственной, если можно такъ сказать, партіи, именно партіи Христа. Она должна быть съ своимъ духомъ вездѣ и всюду, вверху и внизу, и направо и налево, и всѣ движенія и теченія времени разсматривать въ свѣтѣ Христовой истины.

Руководясь означеннымъ девизомъ, она должна сама запросить современное общество о его конечныхъ цѣляхъ, разобратъ, такъ сказать, чѣмъ живутъ люди, считающіе себя послѣдователями Христа. Церковь вслухъ всѣхъ должна сказать: „Вы, прикрываясь христіанствомъ, хотите жить самое большее только во имя „гуманизма“, но это никоимъ образомъ не высшій безусловно, не вѣчный принципъ. Вѣдь „гуманизмъ“—проповѣдь челоуѣчности имѣлъ значеніе и, пожалуй, былъ достаточенъ въ грубыя варварскія средневѣковыя времена, когда съ торжествомъ грубой физической силы настало царство, можно сказать, бестіализма (животности). Въ такую эпоху проповѣдь гуманизма была большою заслугою со стороны гуманистовъ. Наше время удовлетворяться этимъ не можетъ. Мы на мѣсто гуманизма, торжества челоуѣчности, должны нести въ жизнь начала божественности. Горькій и другіе, подоб-

ные ему, смутно чуютъ эту потребность свехчеловѣческаго начала для жизни, но не хотятъ понять, въ чемъ свехчеловѣчность должна проявиться: не въ томъ, чтобы совершенно освободиться отъ евангельскихъ началъ любви, какъ онъ думаетъ, а въ томъ именно, что бы безусловно имъ подчиниться, строить жизнь исключительно на нихъ. И это подчинение—дѣло будущаго, главная основа единой, вѣчной, безусловно высшей культуры.

Мы съ гордостію указываемъ въ прошломъ эпоху *возрожденія* наукъ и искусствъ и свою культуру считаемъ дѣтищемъ той славной поры. Вдумайтесь въ самое названіе: возрожденіе—это лишь какъ бы подновленіе, возстановленіе стараго, чего-то уже бывшаго, забытаго.

И, понятно, возрожденіе наукъ и искусствъ указываетъ не на самобытное творческое созданіе новыхъ, невѣдомыхъ ранѣ міру началъ жизни, а на возстановленіе какихъ-то старыхъ, уже бывшихъ въ примѣненіи и въ свое время не устоявшихъ, исчезнувшихъ. Какія же эти начала? Начала античныя, грекоримскія; идеи той мудрости, олицетвореніемъ которыхъ служила богиня Аѳина, вышедшая, по мнѣю, дѣликомъ изъ головы Юпитера, т. е. говоря другими словами, возрожденіе по духу языческой мудрости; отсюда и наша культура, какъ наслѣдіе той эпохи, по существу полужыгическая. Въ той же Греціи, гдѣ въ Аѳинахъ былъ храмъ Аѳины, богини мудрости, впоследствии въ Константинополѣ былъ воздвигнутъ храмъ другой мудрости—Софіи, мудрости, изшедшей изъ сущности евангельскаго Божества. И вотъ, возрожденія началъ жизни въ духѣ этой мудрости—Софіи человечество еще не знаетъ. А когда эта эпоха начнется, это и будетъ начало единой, вѣчной, безусловно высшей культуры“.

Считаясь съ печальною наличною дѣйствительностію полухристіанскаго общества, Лука Горьковскій съ горькой ироніей рассказываетъ объ одномъ человѣкѣ, который въ праведную землю вѣрилъ. Должна быть—говорилъ онъ—праведная земля. Жилъ онъ въ бѣдности и только эта надежда на праведную землю и поддерживала его. Потерплю—говорилъ онъ—еще немного, а потомъ въ праведную землю пойду. Должна быть праведная земля, гдѣ люди другъ съ другомъ въ любви живутъ, помогаютъ другъ другу, другъ за друга молятся. Но вотъ прибылъ въ это мѣсто, а это въ

Сибири было, одинъ ссыльный и говорить ему тотъ человѣкъ: скажи мнѣ, гдѣ праведная земля. Посмотрѣлъ ученый въ книги, разложилъ планы, нигдѣ, говорить, праведной земли нѣтъ. Не повѣрилъ сначала искатель земли праведной, а когда повѣрилъ, то пошелъ и удавился.

Горько и больно за гибель разочаровавшагося человека! Но также больно и за Луку, который не сталъ бы такъ рассказывать, если бы онъ заглянулъ въ новый завѣтъ; онъ нашелъ бы тамъ такія строки: „Великая благодать была на всѣхъ и имѣли всѣ одну душу и одно сердце, и все у нихъ было общее. И не было между ними нуждающагося“.... Вотъ что говорить по поводу этихъ словъ одинъ церковный писатель-публицистъ: „Видите, карты и планы показываютъ, что 19 вѣковъ тому назадъ была уже земля праведная,—это церковь Іерусалимская. Такъ именно можно назвать этотъ уголокъ земли міра на языкѣ св. Апостола Павла, который всѣ надежды христіанъ выражаетъ въ чаяніи новаго неба и новой земли, гдѣ *правда живетъ*.“

Это было давно, но это можетъ быть и теперь. Только намъ нужно полуязыческія начала жизни, завѣщанныя намъ эпохой возрожденія наукъ и искусствъ, замѣнить началами апостольской „праведной земли“; нужна „эпоха возрожденія“ первенствующей христіанской церкви; здѣсь была организація единосущія человѣческаго во имя *Богочеловѣка*—Христа въ сознаніи того, что всѣ люди—это раздробленные искры единого Божественнаго дуновенія. Отсюда отдѣльная человѣческая душа—это одинъ тонъ въ аккордѣ, и потому законъ человѣческой жизни—любовь, а счастье—созвучіе, гдѣ на звукъ, данный одною душою или однимъ сердцемъ, откликаются другія сердца и души“.

Но если „праведная земля“ найдена, то нужно путь въ нее освѣтить, снова разжечь полупотухшіе костры и маяки. И вижу я эти огни апостольскихъ христіанъ; предъ моимъ взоромъ рисуются катакомбы. . . . почти полное отсутствіе свѣта солнечнаго. . . совершается богослуженіе. Слушаютъ чтеніе апостольскаго посланія. Написалъ нѣчто глубоконазидательное великій апостолъ Петръ. Строка за строкою перечитывается его свитою. И апостолъ заочно покарлетъ себѣ непокорныя доселѣ сердца.

„Приступая къ Нему (Христу), камню живому. . . и сами, какъ живые камни, устрояйте изъ себя домъ духовный“ (1 Петр. 2, 4—5),—наставляетъ апостоль. Чувствуютъ всё, чего требуетъ отъ нихъ учитель.

Узнаютъ въ этихъ словахъ знакомое уже наставленіе апостола Павла: „увѣщевайте другъ друга и назидайте одинъ другого“ (1 Тесс. V, 11). Слушаютъ, и жизнь устрояютъ по этимъ наставленіямъ апостола.

Посмотрите, съ какою ревностью каждый здѣсь работаетъ и надъ собой для того, что бы ему, какъ живому камню, скорѣе слиться въ великомъ домѣ—церкви, съ Христомъ—живымъ краеугольнымъ камнемъ. Но посмотрите, какъ каждый не забываетъ и ближняго! „Зиждитесь“—сказалъ апостоль. А это слово обязываетъ и взаимно другъ друга созидать. И съ какою отрадою можно было наблюдать, какъ сильный увѣплялъ слабого, какъ старецъ созидалъ юнаго, какъ горячій въ вѣрѣ согрѣвалъ холоднаго, какъ умѣренный охлаждалъ пылкаго, какъ имущій дѣлился съ нуждающимися; и слышался чудный аккордъ братства христіанскаго.

Погибалъ одинъ христіанинъ, чувствовалъ, что опускается въ тину или въ яму жизни, гаснетъ его огонекъ,—и тотчасъ же находилась братская рука, которая его поддерживала. Другой братъ торопился къ колеблющемуся брату, подавалъ свою помогающую руку,—и они шли дальше вмѣстѣ. И братъ, который готовъ былъ совсѣмъ поскользнуться, снова поднимался и снова шелъ, и бодро шли всѣ вмѣстѣ.

Здѣсь, при помощи Христа, каждый отказавшись отъ закона вражды, сливался со всѣми въ нераздѣльномъ единствѣ, и получалъ силу ото всѣхъ. Поэтому не было здѣсь слабыхъ, а всѣ были сильны, и имъ не нужно было искать правды, потому что самъ этотъ союзъ—„единство и любовь“—и есть та правда.

И такъ, если въ насъ есть жажда „праведной земли“, тоска по ней, мы должны возродить правду апостольской церкви. И сіе Буди, Буди!

Священникъ *Павелъ Рубимскій.*

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ ПРОШЛАГО

(нѣ вопросу о матеріальномъ обезпеченіи православнаго духовенства въ Россіи).

Какъ-то недавно одинъ изъ проходимцевъ, уже подвыпившій, на мое замѣчаніе, что нищенствовать такому здоровому человѣку совѣстно, замѣтилъ съ глубокимъ презрѣніемъ въ голосъ: „вы сами нищіе“.... Какъ много въ этихъ словахъ проходимца горькой правды!...

Дѣйствительно, духовенство сельское—„нищіе“, питается „нищенствомъ“, живетъ „подаяніями“. Правда—какъ среди профессиональныхъ „нищихъ“ встрѣчается не мало лицъ сравнительно богатыхъ, такъ и среди духовенства встрѣчается не мало лицъ съ состояніемъ. Дѣло не въ томъ, что духовенство скопило или нѣтъ „про черный день“, а въ томъ что оно вынуждено обезпечивать себя способомъ профессиональныхъ „нищихъ“. Всякаго рода сборы и поборы не та ли же „сумма“, которую „надѣваетъ неволя“ на вью духовенства? И это тянется на протяженіи всей русской исторіи и, быть можетъ, протянется ещѣ долго. А какъ близокъ былъ часъ измѣненія такого способа существованія духовенства въ нашей, Казанской, губерніи въ недавнее прошлое!

Въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія духовенство Козмодемьянскаго уѣзда, исчисливъ количество получаемаго имъ за разныя требоисправленія дохода, а также руги и сѣна, постановило возбудить ходатайство объ уничтоженіи всѣхъ прежнихъ способовъ обезпеченія и взамѣнъ сего о принятіи налога въ 30 коп. на каждую десятину земли, каковой въ Козмодемьянскомъ уѣздѣ 128, 845 дес., что на 34 священника и 46 псаломщиковъ (діаконовъ не было тогда) составитъ сумму въ 36,653 р.,—по 680 р. каждому священнику и 330 р.—псаломщику въ годъ.

Означенное ходатайство было внесено въ Губернскую Земскую Управу въ 1873 г., которая, представивъ его на разсмотрѣніе Козмодемьянскаго Уѣзднаго Земскаго Собранія, присовокупила, что „въ вопросу о необходимости измѣненія способовъ содержанія духовенства сообразно съ достоинствомъ

его сана и о средствах примѣненія сего порядка она отнесется съ полнымъ сочувствіемъ“.

Уѣздное Собраніе утвердило мнѣніе Губернской Управы и свое постановленіе препроводило на разсмотрѣніе Высокопреосвященнаго Антонія, Архіепископа Казанскаго, весьма сочувственно отнесшагося къ предполагаемой реформѣ ¹⁾. Отъ Архіепископа дѣло поступило на обсужденіе 9-го очереднаго Губернскаго Земскаго Собранія, которое, послѣ выраженнаго имъ принципиальнаго согласія съ проэктомъ, поручило Губернской Управѣ послать постановленіе Козмодемьянскаго уѣзднаго земскаго собранія на разсмотрѣніе другихъ уѣздныхъ собраний, прося ихъ выразить свое мнѣніе по предположенію Козмодемьянскаго духовенства, и о результатахъ сообщить съ своимъ заключеніемъ Губернскому Земскому Собранію. Каково оказалось отношеніе всѣхъ земствъ Казанской губерніи къ данному вопросу — не знаемъ; намъ извѣстно только постановленіе Ядринскаго земскаго Собранія. „Духовенство и Ядринскаго уѣзда, — говорится въ докладѣ Ядринской управы собранію, — въ отношеніи къ народу нахо-

¹⁾ Высокопреосвященный Архіепископъ Казанскій Антоній (Амфитеатровъ) весьма живо и сочувственно относился къ вопросу объ урегулированіи способовъ матеріальнаго обезпеченія духовенства. Такъ, 19 февраля 1874 г. онъ писалъ о. Сартову (рѣчь о немъ будетъ дальше): „Отецъ Благочинный! Вы мнѣ говорили, да и изъ отчета вашего видно, что въ селахъ Убѣевѣ и Норусовѣ Г. Мировой Посредникъ успѣлъ уговорить прихожанъ назначить причтамъ жалованье деньгами вмѣсто руги и всякаго рода поборовъ и составить о семъ приговоры формальные, которые надлежащимъ образомъ заактивированы. Такъ какъ это весьма важная мѣра къ обезпеченію причтовъ, и такъ какъ сіи приговоры могли бы служить примѣрами для другихъ мѣствъ, то объ этомъ непременно нужно знать намъ оффиціально. Немедленно со всею подробностію донести о семъ самомъ мнѣ; да весьма бы не излишне было, если бы и Г. Посредникъ отнесся ко мнѣ объ этомъ и представилъ полныя копии съ приговоровъ. Я считаю нужнымъ выразить за сіе благодарность Г. Посреднику и даже представить о семъ Святейшему Синоду и просить его благословенія. Есть ли надежда, что и въ другихъ селахъ можетъ быть сдѣлано что либо подобное? Кажется, въ иныхъ мѣстахъ сами отцы іереи мѣшаютъ? Употребите мѣры, чтобы устранить эту помѣху“.

дится въ одинаковомъ положеніи, какъ и духовенство Козмодемьянскаго уѣзда, а потому земская управа, находя таковой способъ обезпеченія дѣховенства вполне соотвѣтствующимъ его сану, имѣеть честь доложить о семъ своему земскому Собранію“. Уѣздное Земское Собрание согласилось съ мнѣніемъ Управы и дѣло перешло въ Губернскую Управу. Губернская Управа представила 10-му очередному Собранію „докладъ объ измѣненіи способа содержанія Православнаго духовенства“ Земское собрание 17 декабря 1874 г. опредѣлило: „докладъ Управы утвердить и, согласно съ заключеніемъ Губ. Управы, ходатайствовать предъ Правительствомъ о необходимости приступить къ разсмотрѣнію этого важнаго для нравственной жизни всего народа вопроса“. Не знаемъ, каковы были мотивы у Правительства къ отклоненію этого ходатайства; но только извѣстно, что послѣднее не получило дальнѣйшаго хода.

Такъ духовенство и не дождалось свѣтлыхъ дней!..

Тогда причты стали изыскивать другіе способы своего существованія. Такъ причты 2-го благочинія Ядринскаго уѣзда, сель—Убѣва, Абызова, Норусова, Альменева, Торбикова и Большой Шатмы, по совѣту и при содѣйствіи своего благочиннаго П. М. Сартова, входятъ въ соглашеніе съ своими прихожанами и составляютъ приговоры о денежномъ сборѣ съ прихожанъ въ пользу причтовъ взаимнѣ всѣхъ сборовъ за требы, ружнаго и др. сборовъ. Означенный сборъ включался въ ежегодныя смѣты мірскихъ расходовъ и собирался сборщиками податей. Но Ядринское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, согласно съ представленіемъ уѣзднаго исправника, сочло означенный сборъ „самовольнымъ“ и „самый порядокъ взиманія этого сбора.... убыточнымъ для казны“, и постановило отдѣлить этотъ сборъ отъ всѣхъ прочихъ окладныхъ сборовъ „предоставивъ самому духовенству взимать оный по добровольному соглашенію съ прихожанами на томъ же основаніи, какъ прежде производился сборъ руги безъ всякаго въ томъ содѣйствія волостныхъ правленій и сборщиковъ податей“. Губернское присутствіе 11-го марта 1876 году такое постановленіе уѣзднаго присутствія утвердило....

Обжалованіе этого постановленія не имѣло успѣха. Духовенство оказалось въ положеніи крайне унижительномъ: сель-

скимъ сторожамъ, волостнымъ ямщикамъ и т. п. лицамъ содержаніе собиралось вмѣстѣ съ казѣнными податями, а сборъ для содержанія духовенства считался и „самовольнымъ“ и „убыточнымъ для казны“! Такъ дѣло шло до начала 80-хъ годовъ, когда въ Казань прибылъ для ревизіи сенаторъ Ковалевскій. Тогда благочинный Сартовъ вошелъ къ сенатору съ ходатайствомъ объ измѣненіи постановленія губернскаго присутствія относительно сбора въ пользу духовенства.

Вскорѣ послѣ сего губернское присутствіе сдѣлало распоряженіе о включеніи сбора на содержаніе духовенства въ окладные листы. Говорятъ, было какое то „конфиденціальное“ предписаніе присутствію свыше.

Все же и послѣ этого въ дѣлѣ обезпеченія Ядринскаго духовенства бывали тормазы со стороны, напр., непрѣмьнаго члена Ядринскаго присутствія Кокшарова. Потребовалось опять вліяніе благочиннаго Сартова, который, какъ бывшій губернской гласный и имѣвшій знакомство съ губернской администраціей, добился перевода Кокшарова въ другой уѣздъ.

Въ настоящее время этотъ способъ обезпеченія духовенства въ означенныхъ приходахъ, *кажется*, упрочился, и, по примѣру ихъ, такой порядокъ принять и въ нѣкоторыхъ другихъ приходахъ Ядринскаго и Козмодемьянскаго уѣздовъ.

Однако, нельзя сказать, чтобы и теперь въ производствѣ сбора въ пользу духовенства не могло произойти измѣненій, такъ какъ администрація, основываясь на законѣ, какъ то было съ Ядринскимъ присутствіемъ, всегда можетъ остановить сборъ...

Данныя прошлаго времени должны побудить духовенство, въ лицѣ епархіальнаго съѣзда, ходатайствовать предъ Законодательными Учрежденіями Имперіи объ изданіи законовъ, 1) коими давалось бы право земскимъ собраніямъ (конечно, съ участіемъ выборныхъ лицъ отъ духовенства) рѣшать вопросы объ обезпеченіи духовенства и 2) которые обязывали бы администрацію производить сборъ для обезпеченія духовенства въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ таковой сборъ установленъ по соглашенію причтовъ съ прихожанами.

Священникъ *Транквилинъ Земляничкій.*

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Издательской комиссіей при Пастырскомъ собраніи въ г. Казани
изданы „Народные листки“:

- № 1. Прииди ко Іисусу Христу.
- № 2. Спаситель зоветь.
- № 3. Храните мирь.
- № 4. Пасхальное яйцо.
- № 5. Вербное Воскресеніе.
- № 6. Пасхальный Артось.
- № 7. Къ дѣтямъ.
- № 8. Предъ плащаницей.

Содержаніе листковъ №№ 1, 2, 3, 4, 7 см. въ „Извѣстіяхъ
по Казанской Епархіи“ №№ 10, 11, 12, 14, 15—16.

Народные листки пролаются *по два рудля за тысячу, безъ
пересылки.*

Содержаніе.

Официальный отдѣлъ. Архипастырская благодарность. 775. Распоряженія Епархіальнаго Начальства. 775. Свободныя мѣста. 776. Разрядный списокъ учениковъ Чистопольскаго духовнаго училища. 776. Епархіальная хроника. Архіерейскія служенія. 781.

Неофициальный отдѣлъ. Слова и рѣчь, произнесенныя Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Никаноромъ, Архіепископомъ Казанскимъ и Свіяжскимъ: 1) въ Кафедральномъ Благовѣщенскомъ соборѣ— 6-го мая 2) въ Казанскомъ женскомъ монастырѣ—9 мая 3) въ Казанской Инородческой Учительской Семинаріи—13-го мая 1908 г. 785. Основные мотивы творчества М. Горькаго. Свящ. *Павла Рубинскаго*. 794. Воспоминанія изъ прошлаго (къ вопросу о матеріальномъ обезпеченіи православнаго духовенства въ Россіи). Свящ. *Т. Земляницкаго*. 810. Объявленіе. 814.

Редакторъ священникъ Н. Писаревъ.

Печатать дозволяется. Казань 7 іюля 1908 г.

Ректоръ Академіи, Епископъ **Алексій**.

Казань. Типо-литографія Императорскаго Университета.